

С А КИБАЛЬНИК

«СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»
КАК КРИПТОПАРОДИЯ

Памяти Наталии Николаевны Мостовской

Явный пародийный характер повести Ф М Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» и его главного героя Фомы Фоми-ча Опискина побуждал исследователей, начиная с момента появления ее в печати, пытаться ответить на вопрос, на кого или на что направлена эта пародия Их ответы на него отличались весьма разительно Ю Н Тынянов обосновал высказанное еще А А Краевским¹ мнение, что это стиль и личность позднего Гоголя, в особенности Гоголя времен «Выбранных мест из переписки с друзьями»² В В Виноградов полагал ее объектом собирательный тип претенциозного беллетриста-рутинера 1840-х гг и произведения не только Гоголя, но и Н Полевого, Кукольника и др³ Разделяя этот подход, В Н Захаров отмечал, что пародийный свод романа «включает многие имена тут и Н Полевой, А Писемский, Н Карамзин, Барон Брамбеус, А Дружинин, А Афанасьев и др», — и одновременно развивал мысль Н К Михайловского⁴ о том, что это автопародия⁵ А Левинсон и Л П Гроссман полагали, что пародия эта направлена в адрес В Г Белинского⁶

¹ Ф М Достоевский Материалы и исследования Л, 1935 С 525

² Тынянов Ю Н Достоевский и Гоголь К теории пародии // Поэтика История литературы Кино М, 1977 С 198—226

³ Виноградов В В Избранные труды Поэтика русской литературы М, 1976 С 239—240

⁴ Михайловский Н К Жестокий талант // Ф М Достоевский в русской критике М, 1956 С 327

⁵ Захаров В Н Провинциальная хроника // Достоевский Ф М Полн собр соч М, 1991 Т 2 С 751 См также Захаров В Н Комический шедевр Достоевского // Достоевский Ф М Село Степанчиково и его обитатели Петрозаводск, 1981 С 206—213 Автопародийность «Села Степанчикова» впоследствии отстаивал В Алекин (Алекин В Об одном из прототипов Фомы Опискина // Достоевский и мировая культура Альманах № 10 М, 1998 С 243—247)

⁶ Левинсон А О Достоевском Париж, 1931, Гроссман Л П История создания и публикации «Сета Степанчикова» // Достоевский Ф М Село Степанчиково

Очевидно, что пародийность «Села Степанчикова. » имеет довольно непростую природу и не так легко уловимый характер. Возможно, в нем следовало бы выделять конкретную и широкую направленность, а также различать явный и скрытый аспекты. Так, например, если говорить о конкретной направленности, то пародийность по отношению к позднему творчеству Гоголя бросается в глаза с первых страниц и в дальнейшем прямо раскрывается в тексте повести, а пародийность по отношению к Белинскому, если она присутствует в произведении, имеет своего рода криптографический характер. Впрочем, возникает вопрос, считать ли подобную пародийность криптографией или всего лишь отрывочными биографическими чертами и деталями из жизни тех или иных людей, лишь использованными для создания более широкой направленности пародии. И главное, что собой представляет эта более широкая направленность и как соотносятся с ней скрытый и явный пародийный аспекты.

1

Прежде всего хотелось бы отметить, что криптопародийный характер «Села Степанчикова...» не исчерпывается Белинским, а включает в себя также и пародию на М. В. Петрашевского и петрашевцев. На то, что в образе Опискина есть некоторые детали, которые заставляют видеть в нем в какой-то степени и пародию на петрашевцев, обратила внимание Н. Н. Мостовская. Уже во «Вступлении» к «Селу Степанчикову...» посреди рассказа о многочисленных, в том числе и литературных, неудачах Опискина примечательны следующие строки: «Фома Фомич был огорчен с первого литературного шага и тогда же окончательно примкнул к той огромной *фаланге огорченных*, из которой выходят потом все юродивые, все скитальцы и странники» (3, 12).⁷

Исследовательница справедливо увидела в них реминисценцию из второго тома «Мертвых душ», где о Тентетникове сказано «Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, < .. > да промо-

и его обитатели Из записок неизвестного / Ред Л П Гроссмана М , 1935 С 221—222 В характере и поведении Фомы Опискина усматривались даже черты Ивана Грозного и других самодержцев См *Виротайнен М Н* Фома Опискин и Иван Грозный // Pro memoia Памяти академика Георгия Михайловича Фридендера (1915—1995) СПб , 2003 С 136—144 Высказывалась также мысль о том, что в нем могли отразиться некоторые черты П Я Чаадаева См *Вотгин И П* Возвращение билета Парадоксы национального самосознания М , 2004 С 335 Впрочем, все, что касается Ивана Грозного, Наполсона, П Я Чаадаева и т п , можно считать лишь отрывочными биографическими чертами и деталями, которые, возможно, также отозвались в образе Опискина

⁷ Здесь и далее в цитатах курсив мой — С К

тавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряжением старого плута и масона и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека. Общество было устроено с обширной целью — доставить прочное счастье всему человечеству, от берегов Темзы до Камчатки () В общество это затянули его два приятеля, принадлежавшие к классу *огорченных людей*, добрые люди, но которые от частых тостов во имя науки, просвещения и будущих одолжений человечеству сделались потом форменными пьяницами. Тентетников скоро спохватился и выбыл из этого круга»⁸ Эти гоголевские строки она верно квалифицировала как «иронический намек Гоголя на самые злободневные события в общественной жизни России конца 40-х годов, на деятельность многочисленных оппозиционно настроенных по отношению к правительству кружков — возможно, в том числе и на общество Петрашевского, в которое входил Достоевский»⁹

В приведенных выше строках Достоевского обращает на себя внимание выражение «фаланга огорченных». Идущий вслед за этим текст «С того же времени, я думаю, и развилась в нем эта уродливая хвастливость, эта жажда похвал и отличий, поклонений и удивлений. Он и в шутках составил себе кучку благоговевших перед ним идиотов. Только чтоб где-нибудь, как-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться — вот была главная потребность его!» (3, 12) — заставляет еще больше задуматься о том, что за сообщество имеется в виду под «фалангой огорченных». И хотя ответить на этот вопрос однозначно вряд ли возможно, однако вряд ли можно считать случайным употребление здесь слова «фаланга»¹⁰

⁸ Гоголь Н В Соч и письма СПб, 1857 Т 4 С 420 Н Н Мостовская привела также — частично в собственном изложении и, к сожалению, по современному академическому изданию (поскольку в четвертом томе «Сочинений и писем» Гоголя его нет) — и другой фрагмент из второго тома «Мертвых душ», который тоже мог отразиться в «Селе Степанчикове » Приведем его полностью и по другому изданию, которое, однако, также было доступно Достоевскому «В числе друзей Андрея Ивановича, которых у него было довольно, попалось два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью» (Похождения Чичикова, или Мертвые души Поэма Н В Гоголя Т 2 (5 глав) М, 1855 С 18, см также Гоголь Н В Полн собр соч М, 1952 Т 7 С 16)

⁹ Мостовская Н Н Уточнения и дополнения к комментарию Полного собрания сочинений Ф М Достоевского Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Материалы и исследования Л, 1983 Т 5 С 226—227

¹⁰ В «Селе Степанчикове » слово «фаланга» употребляется еще только раз и в другом значении. Опискин восклицает «Что сделал твой хваленый Александр Македонский? Всю землю-то завоевал? Да ты дай мне такую же фалангу, так и я завоюю, и ты завоюешь, и он завоеует » (3, 159) Возможно, это употребление было призвано приглушить фурьеристское значение этого слова в начале произведения, во избежание цензурных проблем. В других сочинениях

Как известно, это не только слово, означавшее построение тяжеловооруженной пехоты у греков и употребляемое также в значении «ряд, шеренга», но и термин Ш. Фурье, обозначавший производительно-потребительное товарищество или ассоциацию¹¹ Слово «фаланга» в языке Ш. Фурье встречается гораздо чаще, чем «фаланстер». При этом выражение «фаланга огорченных» находит себе у Фурье такую, например, параллель, как «фаланга Тибура»¹² или «фаланга порядка согласованности».¹³ В языке самого Достоевского как термин Фурье чаще встречается слово «фаланстер» или «фаланстера», нежели «фаланга».¹⁴ Так же обстоит дело и в языке Петрашевского, который постоянно писал о «фаланстере»,¹⁵

Достоевского слово «фаланга» Фурье употребляется несколько раз Аркадий в «Подростке» спрашивает «Вы говорите „Разумное отношение к человечеству есть тоже моя выгода“, а если я нахожу все эти разумности неразумными, все эти казармы, фаланги?» (13, 49) Несколько раз это слово употреблено в публицистике Достоевского, в частности в статье «Два лагеря теоретиков» (1862) «Одна фаланга нынешних теоретиков не только отрицает существование русского земства » (20, 6) Кроме того, совсем в другом значении это слово несколько раз употребляет Дмитрий Карамазов «Раз, брат, меня фаланга укусила » (14, 105)

¹¹ *Фурье Ш* Избр соч / Пер с фр яз И И Зильберфарба М, Л, 1951 Т 2 С 250, 271, 286 и др

¹² Тибур — город в древнем Лациуме (Италия), ныне Тиволи (Там же С 391)

¹³ Там же С 236, 294 Существовал даже фурьеристский журнал «La Phalange», в котором печатались неизданные при жизни сочинения Фурье и который читали петрашевцы и молодой Чернышевский См *Ляцкий Е Н Г Чернышевский и Ш Фурье // Современный мир* 1909 № 11 С 161—162, 175 Об этом журнале как об одном из источников сведений о фурьеризме упоминает в своих показаниях следственной комиссии К И Тимковский « хотя сочинения Фурье довольно обширны, но многие вопросы у него не вполне развиты дальнейшие из них пояснения остались после него в рукописях, из которых некоторые напечатаны, другие постоянно печатаются в журнале „La Phalange“, издаваемом (от общества) школы фурьеристов в Париже» (Дело петрашевцев М, Л, 1941 Т 2 С 434)

¹⁴ См, например «в мечтах о будущей красоте фаланстеры» (18, 133)

¹⁵ *Петрашевский М В* Краткий очерк основных начал системы (учения) Фурье // Дело петрашевцев М, Л, 1937 Т 1 С 75—85 Многие из петрашевцев пытались во второй половине 1840-х гг создать «фаланстеры», хотя бы в виде коммун на паях в совместно снимаемых квартирах (*Егоров Б Ф* Петрашевцы Л, 1988 С 57) Иногда такое совместное проживание в кругах, близких к петрашевцам, называли «фаланстерами» «Я был приятелем с двумя товарищами — Барановским Н И и Головинским-старшим, которые только что окончили курс и поселились в 16-й линии В О, в особом помещении, которое они называли фаланстером, потому что они хотели проводить фурьеристские тенденции в жизнь В фаланстере я видел некоторых петрашевцев, помню Филиппова, Достоевского () Фаланстер Головинского и Барановского был нечто подобное коммуна, устраивавшимся впоследствии в шестидесятых годах» (Петрашевцы и их время в воспоминаниях Н П Балина // Каторга и ссылка 1930 № 2 С 87—88)

а вместо слова «фаланга»¹⁶ употреблял сочетание «фаланстерийская община»¹⁷ Зато слово «фаланга» постоянно употребляет, например, Н Я Данилевский в своем изложении «учения Фурье»¹⁸

«Если принять во внимание сложившееся у Достоевского в конце 40-х годов скептическое отношение к различного рода „пестрым кружкам“, о которых он писал в „Петербургской летописи“ (18, 12—13) и упоминал в своих показаниях по делу петрашевцев (18, 121, 133—134), — отмечала также Н Н Мостовская, — то можно предположить, что эпизод из II тома „Мертвых душ“ о „филантропическом обществе“ и его членах, принадлежащих к „классу огорченных“, заинтересовал автора „Села Степанчикова“ и нашел своеобразное преломление в контексте повести» Исследовательница усматривает в произведении Достоевского еще одно место, которое, по ее мнению, «усиливает скрытый намек на общественно-политические события в русской жизни (непосредственным участником которых был сам Достоевский), звучащий в строках о „фаланге огорченных“ Это иро-

¹⁶ Это французское слово использовал также в своем стихотворении «Безумцы» П-Ж Беранже, которое И М Дебу процитировал в своем «Наброске письма о теории Фурье» «И во главе их стоит величественный гений Фурье, Фурье, qui dit

sort de la fange,
Peuple en proie aux deceptions!
Travail, groupe par phalange,
Dans un cercle d'attractions

(который говорит « выходит из ничтожества народ, бывший жертвой заблуждений, работает, соединившись фалангами, окруженный притяжениями» — Беранже Безумцы)» (Дело петрашевцев М, Л, 1951 Т 3 С 47)

¹⁷ *Петрашевский М В* Краткий очерк основных начал системы (учения) Фурье С 79, 80 Фурьеристский смысл, несколько схожий со смыслом слова «фаланга», имеет в языке Достоевского слово «ассоциация» «Я много обязан в этом деле моим добрым друзьям Бекетовым, Залюбецкому и другим, с которыми я живу () Нашлась квартира большая, все издержки, по всем частям хозяйства, все не превышает 1200 рублей ассигнациями с человека в год Так велики благодеяния ассоциации!» (28, 134) Ср у Петрашевского « чем выше и совершеннее общественное развитие, тем более предметов общего пользования, общего владения (коммунистических учреждений), или тем дешевле пользование ими складочно (par association, как например плата за места в театре)» (Там же С 95), « коммунизм — есть общее владение или пользование собственностью Ассоциация — договор товарищества» (Дело петрашевцев Т 1 С 27), «Петрашевский сказал, что так как он фурьерист, то уж по одному этому знает пользу всякой ассоциации» (Там же С 347)

¹⁸ Дело петрашевцев Т 2 С 308, 313, 314, 317, 322 Встречается оно и у Герцена, причем применительно именно к самим петрашевцам «В 1849 году новая фаланга героических молодых людей отправилась в тюрьму, а оттуда на каторжные работы в Сибирь» (*Герцен А И* О развитии революционных идей в России // Собр соч В 30 т М, 1956 Т 7 С 253, 123) Поскольку по-французски это сочинение Герцена было напечатано еще в 1851 и 1853 гг, оно могло быть известно Достоевскому в период работы над «Селом Степанчиковым »

ническое замечание Бахчеева о Фоме Опискине (во второй главе) „За правду, говорит, где-то там пострадал в *сорок не в нашем году*“ (3, 27, курсив наш. — Н. М.)».¹⁹

Однако это не единственный образ, который подтверждает возможную пародийную направленность повести против петрашевцев и социалистов вообще. Также этой цели служит образ «всеобщего счастья». «Тут польза, тут ум, тут всеобщее счастье!» (3, 33) — говорит Ростанев в III главе первой части по поводу «науки» и ученых людей, а глава V второй части озаглавлена «*Фома Фомич созидает всеобщее счастье*» (3, 145).²⁰ Причем Опискин говорит в ней Ростаневу: «— Остаюсь и прощаю. Полковник, наградите Фалалея сахаром: пусть не плачет он в такой *день всеобщего счастья*» (3, 155)

Любопытно, что этот образ также встречается во втором томе «Мертвых душ», и даже более того, в том же самом фрагменте, который Н. Н. Мостовская цитировала в связи с «фалангой огорченных»: «Общество было устроено с обширной целью — доставить *прочное счастье всему человечеству*»²¹ Однако восходит он к Фурье и его школе, а также к русским фурьеристам — к выражению «*bien-être generale*», которое обыкновенно переводили как «всеобщее благоденствие» или «счастье человечества». Например, у Н. Я. Данилевского мы находим первое, у И. Л. Ястржембского второе, а у К. И. Тимковского сразу «счастье и благоденствие всему роду человеческому».²² Близкие формулировки «общее благо», «общая гармония», «благосостояние общественное» — встречаются и у самого Петрашевского.²³ Формулировка «*Фома Фомич созидает всеобщее*

¹⁹ Мостовская Н. Н. Село Степанчиково и его обитатели С 226

²⁰ Если в этой главе слова о «всеобщем счастье», разумеется, иронический эвфемизм, а в действительности Опискин всего лишь благословляет на брак Ростанева и Настеньку, то во «Вступлении» к первой части «Села Степанчикова» говорится о том, как Фома, прославившись наконец, «пойдет в монастырь и будет молиться день и ночь в киевских пещерах о счастии отечества» (3, 13)

²¹ Гоголь Н. В. Соч. и письма Т 4 С 420

²² Ср. «Многим казалось несбыточной мысль, чтобы опыт в малом виде мог привести к цели распространения *всеобщего благоденствия*», «не нужно подражать заговорщикам Западной Европы, а стараться мирным изучением системы Фурье содействовать *счастью человечества*», «он (Фурье — С. К.) возбудил во мне какой-то энтузиазм именно потому, что обещает *счастье и благоденствие всему роду человеческому*» (Дело петрашевцев Т 2 С 216, 329, 440)

²³ «Не находя ничего достойным своей привязанности — ни из женщин, ни из мужчин, — я обрек себя на *служение человечеству*, и стремление к *общему благу* заменило во мне эгоизм и чувство самосохранения», «необходимо, чтобы всякое существо выполняло его назначение — для сохранения *общей гармонии*» (Дело петрашевцев Т 1 С 122, 119) Приведем также заглавие статьи Петрашевского «О значении образования в отношении *благосостояния общественного*» (Там же С 540—546)

счастье» (3, 145) в особенности обнаруживает близость к некоторым фурьеристским сочинениям. Так, например, одно из них, о знакомстве с которым свидетельствовал Ф. Г. Толь, называлось «Sur l'organisation de la liberté et du bien-être general»²⁴ («Об установлении (организации, созидании) свободы и всеобщего благоденствия»).

Еще один пассаж из седьмой главы первой части «Фома Фомич» также наводит на ассоциации с социалистами: «Ученый! — завопил Фома, — так это он-то ученый? Либерте-эгалите-фратерните! Журналь де Деба! Нет, брат, врешь! в Саксонии не была! Здесь не Петербург, не надуешь! Да плевать мне на твой де деба! У тебя де деба, а по-нашему выходит „Нет, брат, слаба!“». Ученый! Да ты сколько знаешь, я всемеро столько забыл! вот какой ты ученый!» (3, 76). В академическом издании Полного собрания сочинений Достоевского к нему дан в общем-то верный комментарий: «Журналь де деба (франц. «Journal des Débats») — французская политическая газета, основанная в 1789 г., имела большой литературный отдел. В 1850-е годы газета была органом, близким к правительству; поэтому Фома Опискин напрасно связывал с нею представления о вольномыслии» (3, 512).²⁵ Однако этот комментарий нуждается в некоторых уточнениях.

Во-первых, органом, близким к правительству, газета была не только в 1850-е, но и в 1840-е гг. Тем не менее она была довольно популярна не только среди французов, но и среди русских. Популярность эта была связана прежде всего с тем, что из нее, как и из других газет, русские читатели узнавали новости о французской революции 1848 г.²⁶ Во-вторых, в «Journal des Débats» нередко заходила речь и о социалистах — разумеется, в отрицательном освещении, но читатель нередко воспринимал ее с внутренней поправкой на «кривое зеркало». Так, например, Н. Г. Чернышевский в дневнике от 28 июля 1848 г. записал. «Дочитал „Débats“ до 15 июля, особенного ничего не заметил, только все более утверждаюсь в правилах социалистов». При этом регулярное на протяжении 1848 г. чтение этой газеты не только не помешало, но, напротив, способствовало его ра-

²⁴ Дело петрашевцев Т 2 С 164

²⁵ Эта газета упоминается в «Селе Степанчикове» еще раз. О нотациях Опискина Ростаневу по поводу вступления последнего в брак сказано «представьте себе десять страниц формата „Journal des Débats“, самой мелкой печати, наполненных самым диким вздором, в котором не было ровно ничего об обязанностях, а были только самые бесстыдные похвалы уму, кротости, великодушию и бескорыстию его самого, Фомы Фомича» (3, 158)

²⁶ «В кофейнях Излсра и Доминика, — рассказывал А. И. Герцен, — публика вырывала друг у друга газеты, собирались в группы и кто-нибудь громко читал известия, потому что не хватало терпения ждать своей очереди» (Герцен А. И. Петрашевский // Полн собр соч и писем / Под ред М. К. Лемке М., 1926 Т 6 С 511)

дикализму: «2 августа. (...) Кажется, я принадлежу к крайней партии, ультра; Луи Блан особенно, после Леру увлекают меня, противников их считаю людьми ниже их во сто раз по понятиям устаревшими, если не по летам, то по взглядам, с которыми невозможно почти и спорить. В этом убеждают „Débats“, которые только голословно высказывают свои убеждения, не будучи в состоянии развить и доказать их».²⁷

Неоднократно «Journal des Débats» упоминают Петрашевский и петрашевцы — и главным образом в негативном контексте. Так, в «Кратком очерке основных начал системы (учения) Фурье» Петрашевский причисляет эту газету к тем источникам информации о ней, которым «не следует давать никакой веры»: «Те, кто обвиняет эту систему в безнравственности и т. п., ясно сими утверждениями обнаруживают, что им неизвестна система ни из одного настоящего изложения этой системы — или знают ее из тех нечестивых опровержений этой системы, которые в гг. опровергателях обнаруживают отсутствие знания предмета, смысла или прямо в высочайшей степени недобросовестность».²⁸ При этом Петрашевский был убежден, что антисоциалистическая риторика на страницах официальных изданий, таких как «Journal des Débats», будет больше способствовать пропаганде, чем разоблачению социалистических идей: «Либералы и банкиры суть властители (феодалы) в настоящее время в 3.Европе. Одни господствуют влиянием на мнение общественное, другие же, через посредство биржи, промышленности — по своему произволу распоряжаются явлениями жизни общественной. (...) — Journal des débats, Constitutionel, Presse, изъяснение действительной причины гонению, воздвигнутом[y] Thiers et Co на социалистов, — его association de la propagande antisocialiste, которая для социализма — в чем я не сомневаюсь, — да и все социалисты, вероятно, со мною согласны, принесет более пользы, чем вреда, — его распространит более».²⁹

На собрании петрашевцев этот печатный орган нередко вызывал резкие отзывы. Так, например, согласно донесению Антонелли по делу И. Л. Ястржембского, «в собрании 8 апреля Ястржембский с Петрашевским разбирали сочинения Фурриэ и Прудона. О сочинениях Фурриэ оба они выражались с громкою похвалою, а Прудона и хвалили, и бранили, находя в нем недостатки. (...) Наконец, они нападали на рассуждения в журнале „Des Débats“, говоря, что эти рассуждения до чрезвычайности пошлы и даже подлы».³⁰ То, что эти «нападки» относились именно к «отзывам об учении Фурье, которые казались» ему «пристрастными», подчеркивает и Н. С. Кашкин в от-

²⁷ Чернышевский Н. Г. Собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 59, 66. Подробнее на эту тему см.: Ляцкий Е. Н. Г. Чернышевский и Ш.Фурье. С. 147—187.

²⁸ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 82—83.

²⁹ Там же. С. 92—93.

³⁰ Дело петрашевцев. Т. 2. С. 212.

вет на вопрос. «Почему вы рассуждения *Journal des Débats* признавали пошлыми и даже подлыми?»³¹

Сказать, что Опискин «связывал» с этой газетой «представления о вольномыслии», безусловно означает слишком вольно интерпретировать текст Достоевского. Соответственно нельзя и сказать, что он это делал «напрасно». Опискин всего лишь цитировал лозунги Великой Французской революции в одном ряду с газетой «Деба», бывшей одним из основных источников сведений о французской революции 1848 г. Скорее, он связывал с Петербургом вольнолюбивые и даже фурьеристские настроения молодежи. И в этом отношении обнаруживал полную осведомленность в том, чем жил в то время Петербург, — кстати, вовсе не обязательно 1850-х, но именно 1840-х гг. Ср. суждение Герцена: «Фурьеризм должен был найти отклик в Петербурге. (..) Замечено, что у оппозиции, которая борется с правительством (т. е. у петрашевцев. — С. К.), всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле».³²

На совершенно определенное соотношение между Опискиным и Ростаневым намекает следующая весьма «говорящая» деталь: «Мне положительно известно, что дядя, по приказанию Фомы, принужден был сбрить свои прекрасные, темно-русые бакенбарды. Тому показалось, что с бакенбардами дядя похож на француза и что поэтому в нем мало любви к отечеству» (3, 15). Она явно связана с правительственным запретом 1837 г. для гражданских чиновников носить бороды, усы и бакенбарды³³ и даже легла в основание замысла повести «Сбритые бакенбарды», над которой Достоевский работал в 1846 г. Однако, возможно, деталь эта имеет в виду Петрашевского, который во время службы переводчиком в Министерстве иностранных дел преследовался за ношение длинных волос и бороды.³⁴

Явно более к Петрашевскому и петрашевцам, чем к кому бы то ни было из прочих предположительных адресатов пародии, может относиться и следующий пассаж Ростанева «Сочинение пишет! — говорил он, бывало, ходя на цыпочках еще за две комнаты до кабинета

³¹ Дело петрашевцев Т 3 С 169 Аналогичным образом об этой газете отзывался и Сен-Симон еще в «Письмах к американцу» (1817) «Есть один факт, доказывающий, что эти ретроградные взгляды имеют большое значение в общественном мнении, что они играют более важную роль, чем воображают те, кто придерживается либеральных взглядов *Journal des Débats*, взгляды которого имеют, несомненно, ретроградное направление, располагает во Франции наибольшим числом подписчиков» (*Сен-Симон А Избр соч М, Л, 1948 Т 1 С 320*)

³² Герцен А И О развитии революционных идей в России С 253, 123

³³ Полн собр законов Российской империи Собр 2 СПб, 1838 Т 12 С 206

³⁴ См Семенов-Тянь-Шанский П П Мемуары Пг, 1817 Т 1 С 196, *Веселовский К С Воспоминания о некоторых лицейских товарищах // Русская старина 1900 № 9 С 450—451*

Фомы Фомича. — Не знаю, что именно, — прибавлял он с гордым и таинственным видом, — но уж, верно, брат, такая бурда. то есть в благородном смысле бурда. Для кого ясно, а для нас, брат, с тобой такая кувырколегия, что . Кажется, *о производительных силах* каких-то пишет — сам говорил» (3, 15)³⁵ «Это, верно, что-нибудь из политики», — добавляет простодушный Ростанев и, как ни странно, в этом случае оказывается прав, хотя у «непроницательного читателя» создается полное впечатление, что он ошибается «Некоторые поступки Фомы (обучение дворовых французскому языку, беседы с крестьянами об астрономии, электричестве и разделении труда), — как верно отметила А. В. Архипова, опираясь на М. Гуса, — связаны с образом Кошкарева, который мечтал, чтобы „мужик его деревни, идя за плугом“, читал бы „в то же время (..) книгу о громовых отводах Франклина, или Вер(гилиевы) «Георгики», или химическое исследование почв“» (3, 501). Кошкарев же в свою очередь представляет собой, как известно, пародию на социалистов.

Однако беседы с крестьянами «об астрономии, электричестве и разделении труда», а, между прочим, также и «о министрах» (3, 15), возможно, связаны и с личными впечатлениями Достоевского от личности Петрашевского, который, по свидетельству К. Веселовского, «не довольствуясь приобретением себе адептов в среде интеллигентной», «пробовал проводить излюбленную им доктрину и в более простые души, полагая, по-видимому, что для восприятия его проповеди довольно иметь уши. Собрав однажды дворников домов своих и соседних, он прочитал им лекцию о фурьеризме и спросил „поняли, ребята?“».

— Поняли, сударь, поняли, как не понять!

Довольный таким ответом, Петрашевский дал им по двугривенному на брата и пригласил прийти еще в другой раз и привести с собою и других своих товарищей».³⁶ В подкрепление всего сказанного

³⁵ О «производительных силах» Петрашевский писал в «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемом Н. Кирилловым», в статье «Организация производства или произведения» «При настоящей организации общественной главными производительными силами, или началами, во всяком произведении или производстве являются *талант, капитал и работа*» Петрашевский вполне сознавал и даже подчеркивал, что это представление о «производительных силах» идет вразрез с общепринятым. После рассмотрения всех этих трех «производительных сил» по отдельности он замечал «Вот коренные, существенные и жизненные вопросы политической экономии, которые вовсе не западают в головы прежних экономистов, привыкших держаться своих экономических фактов, убитых несчастным формализмом и смешной *генерализацией* (см. эту статью в Прибавлениях к Словарю) частного явления» (СПб., 1846. Вып. 2. С. 212—215).

³⁶ Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сб. материалов / Сост. П. Е. Щеголев. М., Л., 1926. С. 105. Воспоминания К. Веселовского были напечатаны только в 1900 г. (*Веселовский К.* Воспоминания о некоторых лицейских това-

выше напомним, что в романе «Бесы» с Петрашевским соотнесен Петр Верховенский «Придерживаться более типа Петрашевского», «Нечаев отчасти Петрашевский» (11, 106) — гласят авторские записи самого Достоевского к «Бесам»

Наконец, призрак петрашевцев последний раз — причем в пародийном виде — мелькает в отзыве Мизинчикова о неудачном похищении Обноскиным Татьяны Ивановны «— Дурак! дурак! *Погубить такое превосходное дело, такую светлую мысль!* Послушайте я, конечно, осел, что просмотрел его плутни, — я в этом торжественно сознаюсь, и, может быть, вы именно хотели этого сознания. Но клянусь вам, если б он сумел все это обделать как следует, я бы, может быть, и простил его! Дурак, дурак! И как держат, как терпят таких людей в обществе! Как не ссылают их в Сибирь, на поселение, на каторгу!» (3, 129)

Помимо этих более или менее конкретных деталей, в характере Опискина есть еще немало черт, которые сближают его с Петрашевским и петрашевцами. Например, склонность Петрашевского к позерству и эксцентрическим выходкам, не раз вызывавшая насмешки, а также сама внутренняя парадоксальность его деятельности, поскольку, направленная на словах на освобождение человека, она на деле была в значительной степени продиктована самолюбием и вела к его более полному закрепощению. Все эти черты Петрашевского не раз отмечал сам Достоевский «Петрашевский, мол, дурак, актер и болтун» (18, 191),³⁷ «Меня всегда поражало много эксцентричности и странности в характере Петрашевского. Даже знакомство наше началось тем, что он с первого разу поразил

рицах (Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский) // Русская старина 1900 Сент С 449—456) Однако эта «пропагандистская» деятельность Петрашевского, давшая Веселовскому основание заключить, что «Петрашевский в роли пропагандиста фурьеризма осуществил в себе, в иной рамке и toute proportion gardee, комический тип, сродный тому, какой создан Сервантесом в его бессмертном „Дон-Кихоте“» (Петрашевцы в воспоминаниях современников С 105), могла быть известна Достоевскому непосредственно от Петрашевского или других петрашевцев. Например, о пропаганде перед петербургскими дворниками «равноправия их с господами» свидетельствовал также и князь Д. А. Оболенский (*Оболенский Д. А. Наброски из прошлого // Исторический вестник 1893 № 12 С 660*) Во всяком случае Достоевский точно знал о такой «пропагандистской» деятельности Петрашевского. В черновых набросках к предполагавшейся переработке «Двойника» читаем «На другой день г-н Голядкин идет к (Петрашевскому) Застает, что тот человек читает дворнику и мужикам своим систему Фурье, и уведомляет его, что тот донесет» (1, 435)

³⁷ А. Н. Майков восклицает по поводу Петрашевского «vive faiseur» (о, лицедей! — *фр*) — за то, что тот «придавал своим пятницам вид каких-то заседаний» и даже председательствовал с колокольчиком, а Майков с братом «часто смеялись над ними» (18, 193) Перевод французского выражения исправлен по Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников В 2 т М, 1990 Т 1 С 256

мое любопытство *своими странностями*» (18, 118), «*Петрашевский известен почти всему Петербургу своими странностями и эксцентричностью, а поэтому и вечера его известны* () хотя в людской молве было больше *насмешки* к вечерам Петрашевского, чем опасения» (18, 129—130) ³⁸

Побудительной причиной деятельности Петрашевского Достоевский полагал самолюбие «У меня было давнее, старое убеждение, что Петрашевский заражен некоторого рода самолюбием Из самолюбия он созывал к себе в пятницу, и из самолюбия же пятницы не надоедали ему» (18, 135) При этом он усматривал в Петрашевском и русских фурьеристах немало смешного « вреда серьезного, по моему мнению, от системы Фурье быть не может, и если фурьерист нанесет кому вред, так разве только себе, в общем мнении у тех, в которых есть здравый смысл Ибо самый высочайший комизм для меня — *это ненужная никому деятельность* А фурьеризм, вместе с тем и всякая западная система, так неудобны для нашей почвы, так не по обстоятельствам нашим, так не в характере нации, а, с другой стороны, до того порождение Запада, до того продукт тамошнего, западного положения вещей, среди которых разрешается во что бы то ни стало пролетарский вопрос, что фурьеризм со своею настойчивою необходимостью в настоящее время, у нас, между которыми нет пролетариев, был бы уморительно смешон Деятельность фурьеристов была бы самая ненужная, след(ственно), самая комическая Вот почему по *догадке* моей, я полагаю Петрашевского умнее, и никогда не подозревал его *серьезно* дальше кабинетного уважения к Фурье Все остальное я, *по истине*, готов был счесть за шутку» (18, 134, курсив Достоевского — С К), «как ни изящна она, она все же утопия самая несбыточная Но вред, производимый этой утопией, если позволят мне так выразиться, более *комический*, чем приводящий в ужас Нет системы социальной, до такой степени осмеянной, до такой степени непопулярной, освистанной, как система Фурье на Западе» (18, 133, курсив Достоевского — С К)

2

Достоевский ясно видел и у сен-симонистов, и у фурьеристов начала деспотизма «Он говорил, что жизнь в Икарийской коммуне или фаланстере представляется ему ужаснее и противнее всякой

³⁸ Такое же отношение Достоевского к Петрашевскому зафиксировали и современники, например С Д Яновский «Бывая постоянно у Петрашевского, он не стеснялся высказывать многим из близких своих приятелей его неуважение к Петрашевскому, причем обыкновенно называл его агитатором и интриганом» (Там же Т 1 С 250)

каторги».³⁹ Между тем, как известно, «Петрашевский со своим окружением менее критически подошел к фурьеризму. Выступая против мелочной регламентации быта и фантастической космогонии Фурье, петрашевцы многие утопические идеи его, в том числе и „казарменные“, воспринимали вполне сочувственно».⁴⁰ Герцен в эпилоге к своей известной книге «О развитии революционных идей в России» (1850) писал о западных и русских фурьеристах, и в первую очередь об «обществе Петрашевского»: «Фаланстер — не что иное, как русская община и рабочая казарма, военное поселение на гражданский лад, полк фабричных. Замечено, что у оппозиции, которая открыто борется с правительством, всегда есть что-то от его характера, но в обратном смысле. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм — это русское самодержавие наоборот».⁴¹ В какой-то степени аналогичную диалектику деспотизма — не на общественно-политическом, а на социальном и бытовом уровне — Достоевский воплотил в «Селе Степанчикове...».

Более того, в произведении отчетливо ощущаются отзвуки размышлений Достоевского над идеями фурьеристов и социалистов. Например, есть в нем и довольно откровенные выпады в адрес атеизма. Так, в эту сторону направлено описание смерти генерала Крахоткина, «вольнодумца и атеиста старого покроя» (3, 7): «Бывший вольнодумец, атеист струсил до невероятности. Он плакал, каялся, подымал образа, призывал священников Служили молебны, соборовали. Бедняк кричал, что не хочет умирать и даже со слезами просил прощения у Фомы Фомича. (. .) Дочь генеральши от первого брака, тетушка моя, Прасковья Ильинична (. . .) подошла к его постели, проливая горькие слезы, и хотела было поправить подушку под голову страдальца; но страдалец успел-таки схватить ее за волосы и три раза дернуть их, чуть не пенясь от злости» (3, 8—9). Есть и в гораздо большей степени закамуфлированная полемика. Разумеется, было бы некоторым преувеличением видеть в доме Ростанева пародию на фаланстер или сен-симонистскую «ассоциацию».⁴² Однако изобра-

³⁹ Миллер О Ф. Материалы для жизнеописания Ф М Достоевского. Биография, письма и т д. Пб, 1883. С. 89. Под «Икарийской коммуной», очевидно, имелась в виду коммуна, описанная в книге Этьена Кабе «Voyage en Icarie» (Paris, 1840), вышедшая в 1848 г. пятым изданием и тогда же запрещенная цензурой. Д. Д. Ашхарумов показал Следственной комиссии: «Мне случилось прочесть осенью 1847 года Voyage en Icarie — доставил мне эту книгу Дебу 2-й, вероятно, через Ханыкова. Эта книга дала мне понятие о коммунизме, но она не произвела во мне большого впечатления» (Дело петрашевцев. Т. 3. С. 143).

⁴⁰ Егоров Б Ф. Петрашевцы. С. 26.

⁴¹ Герцен А И. Собр. соч. Т. 7. С. 253 (пер., фр. подлинник — с. 123).

⁴² А. Сен-Симон понимал под «ассоциацией» новую социальную структуру, построенную на основе взаимной выручки и услуг, согласования интересов.

жение бесчисленных противоречий, борьбы самолюбий между проживающими в доме полковника Ростанева людьми и их совершенно противоположных материальных интересов, вызывающее недвусмысленную реакцию «„Однако здесь что-то похожее на бедлам“» (3, 42) — даже у готового ко многому героя-рассказчика — в контексте социально-философской мысли эпохи не может не восприниматься как скептическая ремарка писателя по поводу благостности всякого рода «ассоциаций»

Другой аспект проблематики романа также можно рассматривать на фоне социалистических идей и в этом случае он приобретает характер криптопародии на них

Так, имущественное неравенство является одним из главных зол, а уменьшение или уничтожение его основной панацеей во всех социально-утопических концепциях. Глубокое имущественное неравенство в положении Опискина в доме сначала генерала Крахоткина, а затем и полковника Ростанева подчеркивается неоднократно «Явился Фома Фомич к генералу Крахоткину как приживальщик из хлеба — ни более, ни менее. Откуда он взялся — покрыто мраком неизвестности» (3, 7). Ростанев с самого начала намеревается, а затем и делает попытку хотя бы отчасти исправить такое положение вещей. Вспомним о том, как крестьянин Ростанева Васильев изображает планы своего помещика пожертвовать Опискину Капитоновку «На тебе, говорит, Фома! вот теперь у тебя, примерно, нет ничего, помещик ты небольшой, всего-то у тебя два снетка по оброку в Ладожском озере ходят — только и душ ревизских тебе от покойного родителя твоего осталось () А вот теперь, как запишу тебе Капитоновку, будешь и ты помещик, столбовой дворянин, и людей своих собственных иметь будешь, и лежи себе на печи, на дворянской вакансии » (3, 23). В сознании крестьян Ростанева замысел их помещика заключается в том, чтобы сделать неимущего человека недворянского происхождения, приживала, ровней ему самому, дворянином и помещиком.

Вряд ли случайно и то, что в главе, в которой Ростанев пытается осуществить это намерение, он начинает с того, что предлагает Опискину поговорить «братски» (3, 83). Сам Фома тут же подхватывает слова Ростанева о «братстве» и, обращая их против него, обнаруживает при этом отчетливое сознание внутренней связи между понятиями «братство» и «равенство» «А между тем я, в чистоте моего сердца, думал до сих пор, что обитаю в вашем доме как друг и как брат! Не сами ль, не сами ль вы змеиными речами вашими тысячу раз уверяли меня в этой дружбе, в этом братстве? Зачем же

богатых и бедных к выгоде всех и для обеспечения материального и духовного благосостояния наиболее многочисленного и необеспеченного класса, и видел в ней, следовательно, основу будущего общественного строя. См. *Вотгин В. П.* Социальное учение Сен-Симона // Сен-Симон А. Избр. соч. Т. 1. С. 54.

вы таинственно сплетали мне эти сети, в которые я попал, как дурак? (...) разве платят другу иль *брату* деньгами — и за что же? Главное, за что же? „На, дескать, возлюбленный *брат* мой, я обязан тебе: ты даже спасал мне жизнь: на тебе несколько иудиных сребреников, но только убирайся от меня с глаз долой!“» (3, 85).

Более того, Опискин прямо называет также и второй из трех лозунгов Французской революции «Свобода. Равенство. Братство»: «Вы слишком надменны со мной, полковник. Меня могут счесть за вашего раба, за приживальщика. Ваше удовольствие унижать меня перед незнакомыми, тогда как я вам равен, слышите ли? равен во всех отношениях» (3, 74).⁴³ Так, попытка имущего Ростанева обращаться «по-братски» и стремление сделать равным себе неимущего Опискина приводит лишь к бросающемуся в глаза унижительному положению хозяина в своем собственном доме («словом, я видел ясно, что дядю в его же доме считали ровно ни во что» — 3, 47), непомерному росту самолюбия Опискина и возвышения его над Ростаневым. Характерно, что глава, в которой Ростанев предлагает «братски» Опискину деньги, чтобы тот купил себе дом и жил отдельно, став ему ровней по положению, называется «Ваше превосходительство» и кончается тем, что Ростанев и в самом деле начинает обращаться к Опискину подобным образом, тем самым признавая его значительное превосходство.

Как известно, Достоевский развивал эту тему, внутренне отталкиваясь от интерпретации ее Тургеневым в пьесе «Нахлебник» (<1857>). В особенности актуализирует это отталкивание как раз глава «Ваше превосходительство», которая находит зеркальное соответствие в пьесе Тургенева и в которой герой Достоевского ведет себя диаметрально противоположным образом: «Кузовкин отказывается от предложенных ему Елецким десяти тысяч, движимый чувством собственного достоинства. Фома Опискин, отказываясь от ростаневских пятнадцати тысяч, это чувство собственного достоинства лишь симулирует, унижая и посрамляя своего благодетеля».⁴⁴ Позаимствовав у Тургенева тему и мотив денежного откупа от «приживала», Достоевский показал ту бездну самолюбия, которая разрастается в человеке тем больше, чем меньше для этого имеется оснований, тем самым порывая с традицией сентиментально-сочувственной трактовки социальной темы, которую ранее сам воспринял от Гоголя: «Тургеневский Кузовкин робок и унижен. Опискин же сам стремится унижить всех окружающих».⁴⁵

⁴³ Между прочим, Ростанев — полная анаграмма слова «равенство» (не хватает только еще одной буквы «в», но в анаграммах одна буква нередко замещает две таких же)

⁴⁴ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1988. Т. 3. С. 515. Комментарий А. В. Архиповой

⁴⁵ Там же.

Опискин подчеркивает не только свое равенство, но даже и свое моральное превосходство над Ростаневым: «Но равны ли мы теперь между собою? Неужели вы не понимаете, что я, так сказать, раздавил вас своим благородством, а вы раздавили сами себя своим унижительным поступком? Вы раздавлены, а я вознесен. Где же *равенство*? А разве можно быть друзьями без такого *равенства*?» (3, 86). Более того, он утверждает неравенство, ущербность Ростанева по сравнению с ним самим и со всеми другими обитателями его дома: « — Полковник, — сказал он, — нельзя ли вас попросить — конечно, со всевозможною деликатностью — не мешать нам и позволить нам в покое докончить наш разговор. Вы не можете судить в нашем разговоре, не можете! Не расстроивайте же нашей приятной литературной беседы. Занимайтесь хозяйством, пейте чай, но... оставьте литературу в покое. Она от этого не проиграет, уверяю вас!» (3, 70). Бесконечная уступчивость Ростанева приводит к тому, что и положение других близких ему людей в его доме оказывается ущемленным: «Что ж делать! Фома Фомич немножко... ну уж и маменька, вслед за ним. Вообще будь осторожен, почтителен, не противоречь, а главное, почтителен...» (3, 37); «Можешь делать все, что тебе угодно, ходить по всем комнатам и в саду, и даже при гостях, — словом, все, что угодно; но только под одним условием, что ты ничего не будешь завтра сам говорить при маменьке и при Фоме Фомиче, — это непременно условие, то есть решительно ни полслова, — я уж обещался за тебя, — а только будешь слушать, что старшие... то есть я хотел сказать, что другие будут говорить» (3, 106).

Характерно, что Ростанев почти ко всем обращается «брат», «братец», «друг мой» и по имени: «Я, братец, сам виноват, — говорит он, бывало, кому-нибудь из своих собеседников, во всем виноват!» (3, 14). «Брат» и «друг» у него не только племянник Сергей, но даже и мужик («Ну, — продолжал он скороговоркой, обращаясь к мужикам, — теперь ступайте, друзья мои» — 3, 34) — и Видоплясов. Причем обращение к последнему получает наиболее причудливую форму, актуализирующую ассоциации с монашеской обителью: «брат Григорий» (3, 102, 103) — чему не противоречит и то, что с Видоплясовым Ростанев, что вообще для него не характерно, прибегает и к более патриархальным формулам: «Ты не обижайся, Григорий, я тебе как отец говорю» (3, 104). Из других героев романа подобные обращения, причем также даже по отношению к Видоплясову: « — Ну, подожди же, брат, я и с тобой познакомлюсь» (3, 42) — использует только племянник Ростанева Сергей.

Разумеется, фамильярное «брат» и тем более «братец» вовсе не обязательно актуализирует идею «братства», столь важную для социальных утопистов. Однако при невольном сопоставлении его с также встречающимся вариантом «по-братски» нечто подобное само собой происходит. Тем более на фоне исключительно патриархальных форм

обращения, которые постоянно в романе демонстрируют Бахчеев: «Вы, батюшка, меня извините...» (3, 24); Ежевикин: «Позвольте, матушка барыня, ваше превосходительство, платице ваше поцеловать .» (3, 50); Настя («А он мне все равно, что отец, — слышите, даже больше, чем мой родной отец!» — 3, 80) и мужики: «Батюшка ты наш! Вы отцы, мы ваши дети!» (3, 34).

Саркастическая ирония Достоевского над идеями французских социалистов без труда прочитывается в сопоставлении ситуации, обрисованной в «Селе Степанчикове...», с их трактовкой «равенства» и «братства». Теоретическое обоснование связи этих двух идей дали еще Бабеф и бабувисты.⁴⁶ Связаны они и у А. Сен-Симона, вообще не являвшегося сторонником полного равенства: «Совершенно очевидно, что преподанный богом своей церкви моральный принцип — все люди должны относиться друг к другу как братья — включает в себе все идеи, которые вы вкладываете в это наставление: каждое общество должно работать над улучшением морального и физического существования самого бедного класса; общество должно быть организовано так, чтобы наилучшим образом прийти к этой великой цели».⁴⁷ «Вопрос о том, как должна быть организована собственность для наибольшего блага всего общества в отношении свободы и в отношении богатства» Сен-Симон полагал «наиболее важным вопросом, подлежащим разрешению», а «индивидуальное право собственности», с его точки зрения, «может быть основано лишь на общей пользе при осуществлении

⁴⁶ «Строй, провозглашенный экономистами, назван *строем эгоизма*, или *аристократическим*, *строй*, провозглашенный Руссо, — *строем равенства* () Неравенство в распределении собственности и власти порождает всевозможного рода беспорядки, на которые резонно жалуются девять десятых населения цивилизованных стран () Из этих наблюдений следовало заключить, что только неравенство является постоянно действующей причиной порабощения народов и что до тех пор, пока это неравенство существует, для многих людей, человеческое достоинство которых унижено нашей цивилизацией, осуществление их прав будет оставаться почти иллюзорным. Таким образом, уничтожение этого неравенства — задача добродетельного законодателя — вот принцип, вытекавший из размышлений Комитета () вся собственность, сосредоточенная на национальной территории, едина, она неизменно принадлежит народу, который один только вправе распределять пользование ею и ее плодами () „Собственность, — заявил он (Бабеф — С К), — является причиной всех бедствий на земле“» (Буонаротти Ф Заговор во имя равенства М, 1963 Т 1 С 78, 81, 163, 295, 304, Т 2 С 59) Ср также заголовки некоторых разделов «Законодательство равенства и законы переходного периода», «Вся собственность имеет одного владельца она принадлежит народу», «Равенство в пользовании благами», «Равное распределение богатств», «Бабеф защищает общность имущества» (Там же Т 1 С 294, 295, 301, 304, Т 2 С 59)

⁴⁷ Сен-Симон А Новое христианство // Избр соч Т 2 С 419

этого права».⁴⁸ В «Литературных, философских и промышленных рассуждениях» у него даже есть особый раздел, озаглавленный «Доказательства способности французских пролетариев хорошо управлять собственностью».⁴⁹ Все это безусловно, хотя и отдаленно, но все же коррелирует с кругом идей, которые заграживаются в самом сюжете «Села Степанчикова...».

«Братство» и «равенство» составляют неразрывную пару понятий в предисловии ко второму изданию романа Э. Кабе «Путешествие в Икарию», который вызвал негативный отзыв Достоевского и с которым, следовательно, он был знаком «.. наше убеждение становится неколебимым, когда мы видим, что почти все философы и все мудрецы провозглашают *равенство*, когда мы видим, что Иисус Христос, провозвестник величайшей реформы, основатель новой религии, которому поклоняются как богу, провозгласил равенство, чтобы освободить род человеческий, когда мы видим, что все отцы церкви, все христиане первых веков, реформация и бесчисленные партизаны, философы XVIII века, американская революция, французская революция, всеобщий прогресс — все провозглашают *равенство и братство* людей и народов». При этом на вопрос о способах их достижения Кабе отвечал, следуя уже не столько Сен-Симону, сколько Бабефу «. . когда мы серьезно и страстно углубляемся в вопрос, каким путем общество может быть организовано как демократия, т. е. на основах равенства и братства, то мы приходим к выводу, что эта организация требует и необходимо влечет *общность имущества*. И мы спешим прибавить, что эта *общность* равным образом была провозглашена Иисусом Христом, всеми его апостолами и учениками, всеми отцами церкви и всеми христианами первых веков, реформацией и ее последователями, философами, которые представляют собою свет и честь человеческого рода. Все, во главе с Иисусом Христом, признают и провозглашают, что эта *общность* < . > представляет единственную систему социальной организации, которая могла бы осуществить *равенство и братство*. ».⁵⁰

⁴⁸ Сен-Симон А. Взгляд на собственность и законодательство // Избр. соч. Т. 1. С. 355, 361. Говоря о повести Достоевского «Бедные люди», В. Е. Ветловская отметила: ««Главное зло существующих обществ Достоевский видел не в бедности, а в неравенстве состояний. В этом смысле ему были ближе коммунистические системы, а не системы Сен-Симона и Фурье, сохранявших неравенство в планах будущей всеобщей гармонии» (Ветловская В. Е. Идеи Великой Французской революции в социальных воззрениях молодого Достоевского // Великая Французская революция и русская литература / Отв. ред. Г. М. Фридендер Л., 1990. С. 299). По всей видимости, применительно к периоду создания «Села Степанчикова» справедливым было бы скорее противоположное утверждение.

⁴⁹ Сен-Симон А. Об общественной организации // Избр. соч. Т. 2. С. 318.

⁵⁰ Кабе Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. М., Л., 1935. Т. 1. С. 4, 5.

Это теоретическое положение реализуется и в самом романе в описании «принципов *социальной* организации Икарии»: «Глубоко убежденные опытом, что не может быть счастья без ассоциации и равенства, икарийцы составляют вместе общество, основанное на базисе самого полного равенства. Все — члены *ассоциации*, граждане, с *равными правами и обязанностями*; все в равной степени участвуют в тяготах и благах ассоциации; все таким образом составляют одну семью, члены которой связаны в одно целое узами *братства*». ⁵¹

Э Кабе вслед за бабувистами был убежден в том, что «*неравенство* есть причина, порождающая нищету и богатство, все пороки, проистекающие из первой и второго, жадность и честолюбие, ненависть и зависть, раздоры и войны всякого рода, одним словом — все зло, которое угнетает отдельных людей и нации». ⁵² Достоевский в «Селе Степанчикове. . .» показывает, что жадность и честолюбие, ненависть и зависть в душе иного неимущего человека существуют сами по себе и попытка уменьшить их неравенство с богатыми совершенно не способна избавить их от этих пороков. Эта независимая от имущественного состояния, а, возможно, даже лишь усугубляемая возросшим влиянием в доме Ростанева черта в Опискине отмечается, как это обычно происходит у Достоевского послекаторжного периода, устами героя из народа — в данном случае, устами слуги Григория: «Нет, сударь, Фома Фомич, не один я, дурак, а уж и добрые люди начали говорить в один голос, что вы как есть злющий человек теперь стали, а что барин наш перед вами все одно, что малый ребенок; что вы хоть породой и енаральский сын и сами, может, немного до енарала не дослужили, но такой злющий, как то есть должен быть настоящей фурий» (3, 75).

Полемизируя в этом с «натуральной школой», Достоевский рассматривает характер человека как величину, не зависящую от обстоятельств. Показательно, что убежденность Ростанева в природной добродетельности человека «. . . ведь это, может быть, превосходнейший, добрейший человек, но судьба . . . испытал несчастья. . .» (3, 160) — в финале передается его не менее наивному племяннику: «И я с жаром начал говорить о том, что в самом падшем создании могут еще сохраниться высочайшие человеческие чувства; что неисследима глубина души человеческой; что нельзя презирать падших, а, напротив, должно отыскивать и восстанавливать, что неверна обще-

⁵¹ Там же С 74 Эти теоретические представления были распространены и среди русских социалистов. Так, например, В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. восклицал «Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает о его возможности? () Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими *братьями моими!*» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 9. С. 482, 483)

⁵² Кабе Э. Путешествие в Икарию / Пер. под ред. Э. Л. Гуревича // Зарубежная фантастическая проза прошлых веков. Социальные утопии. М., 1989. С. 423

принятая мерка добра и нравственности и проч и проч , — словом, я воспламенился и *рассказал даже о натуральной школе*» (3, 160—161) Эта полемика ясно звучит, например, в финальных строках о Ежевикине «Правда, ему ужасно хотелось тогда выдать Настеньку замуж, но корчил он из себя шута просто из внутренней потребности, чтоб дать выход накопившейся злости Потребность насмешки и язычка была у него в крови» (3, 166)

В характере Ростанева подчеркивается как раз присущая «натуральной школе» вера в природную доброту всех окружающих его людей «Душою он был чист как ребенок Это был действительно ребенок в сорок лет, экспансивный в высшей степени, всегда веселый, предполагавший всех людей ангелами, обвинявший себя в чужих недостатках и преувеличивавший добрые качества других до крайности, даже предполагавший их там, где их и быть не могло» (3, 13) Несмотря на его ярко выраженную «русскость», в Ростаневе отчетливо ощущается «идеальный» тип человека, воплощающего в себе представления о человеческой природе, характерные для французских просветителей XVIII в и социальных утопистов «— Эх, наладил одно! Добродушия в тебе мало, Сережа, простить не умеешь! », «Забудь, брат, обиду, Сережа, ведь ты и сам его обидел Наидостойнейший человек!» (3, 107) Даже чиновники у него в местах, где он предлагает Опискину купить себе дом, «все до одного, благородные, радушные, бескорыстные» (3, 83) Такого рода героев, убежденных в природной доброте человека, которому мешают оставаться совершенно добродетельным лишь сложные житейские обстоятельства, Достоевский мог найти, например, во втором томе «Мертвых душ» — или в романе Кабе «Путешествие в Икарию»

Подобно им, Ростанев, несмотря ни на что, продолжает удивляться проявлениям в человеке зла «Господи! почему это зол человек? почему я так часто бываю зол, когда так хорошо, так прекрасно быть добрым?» (3, 161) И все же в «Селе Степанчикове » есть достаточно оснований для того, чтобы считать эту убежденность Ростанева не совсем напрасной «Видишь, Сережа, я, конечно, не философ, но я думаю, что во всяком человеке гораздо более добра, чем снаружи кажется Так и Коровкин он не вынес стыда » (3, 163), « она все простила Фоме, когда он соединил ее с дядей, и, кроме того, кажется, серьезно, всем сердцем вошла в идею дяди, что со „страдальца“ и прежнего шута нельзя много спрашивать, а что надо, напротив, утешить сердце его Бедная Настенька сама была из униженных, сама страдала и помнила это» (3, 164)

Однако даже герой-рассказчик с самого начала ясно видит, что не все обитатели дома Ростанева в самом деле добры «Впрочем, он никогда не верил, чтоб у него были враги, они, однако ж, у него бывали, но он их как-то не замечал Шуму и крику в доме он боялся как огня и тотчас же всем уступал и всему подчинялся» (3, 14)

Уступчивость Ростанева с самого начала объясняется стремлением его ко «всеобщему счастью»⁵³ «Уступал он из какого-то застенчивого добродушия, „чтоб уж так“, говорил он скороговоркою, отдаляя от себя все посторонние упреки в потворстве и слабости — „чтоб уж так чтоб уж все были счастливы!“» (3, 14) Между тем формула эта, представляя собой кальку с французского (*bien-êtie universelle*), уже является явной отсылкой к философскому словарю социальных утопистов

Аналогичной отсылкой представляется и то отношение к науке, которое проявляет Ростанев и некоторые другие герои «Села Степанчикова» Разумеется, наибольшее благоговение перед ней испытывает сам Ростанев, собственно именно с его отношением к науке, как подчеркивает с самого начала герой-рассказчик, связано и преклонение его перед Фомой «В ученость же и в гениальность Фомы он верил беззаветно Я и забыл сказать, что перед словом „наука“ или „литература“ дядя благоговел самым наивным и бескорыстнейшим образом, хотя сам никогда и ничему не учился» (3, 14) При этом Ростанев отнюдь не чурается новейших идей, т е , очевидно, современных веяний в социальных и экономических науках «— Как про железные дороги говорит! И знаешь, — прибавил дядя полушепотом, многозначительно прищуривая правый глаз, — немного, эдак, вольных идей! Я заметил, особенно когда про семейное счастье заговорил» (3, 33) Не меньше его преклонение и перед естественными науками «— Занимался минералогией! — с гордостью подхватил неисправимый дядя — Это, брат, что камушки там разные рассматривает, минералогия-то? — Да, дядюшка, камни — Гм Много есть наук, и все полезных!» (3, 48)

Преклонение Ростанева перед науками основано на его убежденности в том, что именно с помощью них достигается «всеобщее счастье» «— Эх, брат, есть же на свете люди, что всю подноготную знают! — говорил он мне однажды с сверкающими от восторга глазами — Сидишь между ними, слушаешь и ведь сам знаешь, что ничего не понимаешь, а все как-то сердцу любо А отчего? А оттого, что тут польза, тут ум, тут *всеобщее счастье!*» (3, 33) Более того,

⁵³ Мотив этот проходит через весь роман и его развитие достигает своей кульминации в главе «Фома Фомич созидает всеобщее счастье» «Но еще и пяти минут не прошло *после всеобщего счастья*, как вдруг между нами явилась Татьяна Ивановна Каким образом, каким чутьем могла она так скоро, сидя у себя наверху, узнать про любовь и про свадьбу? Она впорхнула с сияющим лицом, со слезами радости на глазах, в обольстительно изящном туалете (наверху она-таки успела переодеться) и прямо, с громкими криками, бросилась обнимать Настеньку» (3, 151), «— Ничего, ничего! — благосклонно проговорил Фома, — пригласите и Коровкина, пусть и он участвует во *всеобщем счастье*» (3 156) Вариант этого мотива представлен в самом начале «Села Степанчикова» «будет молиться день и ночь в киевских пещерах о *счастьи отечества*» (3, 13)

Ростанев верит, что человек, вооруженный науками — даже неважно какими, — способен вдруг разрешить и все те проблемы, с которыми не может справиться он сам в собственной жизни «— А как же я тебя ждал! Хотел излить, так сказать ты ученый, ты один у меня ты и Коровкин» (3, 37) При этом веру его неспособно омрачить никакое сомнение, которое невольно приходит на ум герою-рассказчику, даже несмотря на его молодость «— Да чем же тут поможет Коровкин, дядюшка? — Поможет, друг мой, поможет, — это, брат, уж такой человек, одно слово человек науки! Я на него как на каменную гору надеюсь побеждающий человек! Про семейное счастье как говорит! Я, признаюсь, и на тебя тоже надеялся, думал ты их урезонишь» (3, 39)

Однако именно такова роль наук в представлении социальных утопистов — причем в отличие от просветителей XVIII в не только гуманитарных, но и естественных Так, А Сен-Симон еще в «Письмах женевского обитателя к современникам» (1802) обращался следующим образом к «ученым, художникам, а также всем вам, употребляющим часть своих сил и средств на развитие просвещения» « вы — часть человечества, обладающая наибольшей мозговой энергией и наиболее способная к восприятию новых идей»⁵⁴ По мысли Сен-Симона, «всеобщее счастье» достигается как раз за счет объединения между собой ученых, представителей искусства и предпринимателей «Эта обновленная религия () призвана связать между собой людей науки, художников и промышленников и сделать их как общими руководителями человечества, так и защитниками специальных интересов всех отдельных народов, его составляющих»⁵⁵

С одной стороны, такое отношение к ученым он связывал с представлением о наибольшем влиянии ученых на общественное мнение «Ученые, художники, поглядите глазами гения на современное положение человеческого духа, вы увидите, что скипетр общественного мнения в ваших руках, держите же его крепче! Вы можете создать ваше счастье и счастье ваших современников, вы можете предохранить потомство от тех болезней, которыми мы страдали раньше и которые мы терпим до сих пор подписывайтесь все!» С другой — Сен-Симон объяснял это прогностической ролью науки «Ученый, друзья мои, это человек, который предвидит Наука полезна именно тем, что она дает возможность предсказывать, и потому-то *ученые стоят выше всех других людей*»⁵⁶ Под последними словами с удовольствием подписался бы и Ростанев Сен-Симон предлагал соединить науку, промышленность и искусство в интересах общества «людям науки, искусства и промышленности и следует вручить административную

⁵⁴ Сен-Симон А Избр соч Т 1 С 119

⁵⁵ Сен-Симон А Новое христианство // Там же Т 2 С 411

⁵⁶ Сен-Симон А Письма женевского обитателя // Там же Т 1 С 126

власть, т е заботы о руководстве национальными интересами, функции же правительства следует свести к поддержанию общественного спокойствия»,⁵⁷ « единственное действительно важное дело, которое может быть сейчас сделано для усовершенствования общественного порядка, заключается в том, чтобы побудить общественное мнение ясно высказаться за организацию такой политической системы, которая имела бы целью труд для общественного благосостояния при помощи наук, искусств и ремесел»⁵⁸ В какой-то степени в союзе Ростанева с Опискиным можно видеть пародию на идею Сен-Симона о благотворности союза «промышленников» с учеными «Ученые оказывают очень крупные услуги промышленному классу, но получают от него еще более крупные они получают от него свое существование, промышленный класс удовлетворяет их насущные потребности и их физические склонности всякого рода»⁵⁹ Криптопародийность здесь заключается в том, что у Сен-Симона это союз ради совместного труда, а Ростанев, не будучи и сам, впрочем, промышленником, вступает в союз с псевдоученым, чтобы обеспечить ему условия для безделья⁶⁰

С крайне искаженным представлением Ростанева о причастности Опискина к наукам и искусствам не в последнюю очередь связано его особое положение в доме При этом Опискин не стесняется выдавать себя за знатока не только в гуманитарных, но и в естественных науках « — Кажется, о производительных силах каких-то пишет — сам говорил Это, верно, что-нибудь из политики Тогда и мы с тобой через него прославимся» (3, 15) Реплика Ростанева на первый взгляд производит комическое впечатление как фраза человека, не понимающего даже, какие категории к каким именно наукам относятся Однако любопытно, что Сен-Симон определял «политику» именно как «науку о производстве, т е науку, ставящую себе целью установление порядка вещей, наиболее благоприятного всем видам

⁵⁷ Сен-Симон А Рассуждения литературные, философские и промышленные // Там же Т 2 С 329

⁵⁸ Сен-Симон А О теории общественной организации // Там же Т 1 С 452

⁵⁹ Сен-Симон А Катехизис промышленников // Там же Т 2 С 255

⁶⁰ Повествователь сообщает о Ростаневе « он воспламенился до крайности и уже совсем потерял способность хоть как-нибудь заметить, что новый друг его — сластолюбивая, капризная тварь, эгоист, лентяй, лежебок — и больше ничего» (3, 15) Это место кажется как будто направленным против утопических социалистов Ср, его, например, со следующим фрагментом романа Кабе «— А лентяи? — Лентяи? — Мы таких не знаем Как могут они быть, когда труд так приятен, когда праздность и леность у нас в такой же степени позорны, как воровство в других местах? — Следовательно, не правы те, кто говорит, как я слышал, что всегда будут *пьяницы воры и лентяи*? — Они правы по отношению к социальной организации этих стран, но это неверно по отношению к организации Икарии» (Кабе Э Путешествие в Икарию М, 1935 С 192, далее цитаты приводятся по этому изданию)

производства»⁶¹ Развивая в своем романе идею утопических социалистов о «производстве», основанном на прогрессе наук, Кабе заявлял «Мы придерживаемся убеждения, что прогресс промышленности сделает общность более осуществимой, чем когда-либо, что нынешнее безграничное развитие производительной мощности посредством пара и машин может обеспечить *равенство избытка* и что никакая другая социальная система не является более благоприятной для усовершенствования *изящных искусств* и всех разумных наслаждений цивилизации»⁶² Именно к миру естественных наук имеет прямое отношение герой-рассказчик, и именно это, с легкой руки «дядюшки», вызывает к нему особую настороженность со стороны Опискина и его многочисленных адептов. Даже Ежевикин позволяет себе в его адрес несколько ироническую ремарку «А это, верно, племянничек ваш, что в ученом факультете воспитывался? Почтение наше всенижайшее, сударь, пожалуйста ручку» (3, 51)

Между тем далеко не все разделяют этот энтузиазм Ростанева по отношению к наукам. Так, например, Бахчеев с самого начала без стеснения заявляет о своей антипатии к науке. В первый раз она звучит у него в связи с Опискиным и объясняется им самим амбициозной агрессией последнего «Да что ж, что ученый! Так из-за того, что ученый, уж так непременно и надо заесть неученого?» (3, 25). Далее она связывается Бахчеевым как раз с тем, что вызывает особую симпатию Ростанева, — с вольнодумством «Не люблю я, батюшка, ученую часть, вот она у меня где сидит! Приходилось с вашими петербургскими сталкиваться — непотребный народ! Все фармазоны, неверие распространяют, рюмку водки выпить боится, точно она укусит его — тьфу!» (3, 26). Разумеется, вряд ли стоит считать реплику Бахчеева упреком именно в адрес масонов — скорее, в устах Бахчеева с его туманным представлением о различных движениях в общественной жизни России середины XIX в. это именно общий скепсис в отношении распространения атеизма, которое как раз в значительной степени было связано с увлечением

⁶¹ Сен-Симон А. Письма к американцу // Избр. соч. Т. 1. С. 333. Любопытно, что, потеряв свое состояние, Сен-Симон сам в течение двух лет жил за счет своего бывшего слуги, приобретшего во время службы у него некоторое состояние. Об этом сам Сен-Симон писал во фрагментах своей автобиографии «Я принял предложение этого честного человека и переехал к нему, я жил у него два года, и в течение этого времени он с полной готовностью удовлетворял все мои потребности и покрывал значительные издержки на печатание моей работы» (Сен-Симон А. Жизнь Сен-Симона, описанная им самим // Там же. Т. 2. С. 98). Впервые Oeuvres de Saint-Simon — publiées en 1832, par Olinde Rodriguez Paris, 1841. См. также Сен-Симон А. Избр. соч. Т. 1. С. 455—456 (комментарии Л. С. Цетлина). Фигура разбогатевшего слуги Сен-Симона Диара могла послужить отдаленным прототипом для образа Мизинчикова.

⁶² Кабе Э. Путешествие в Икарию. С. 6.

петербургской молодежи фурьеризмом и другими социалистическими теориями.⁶³

Особое возмущение Бахчеева вызывает королева всех наук, в представлении просветителей XVIII в. — философия: «...вы мне прямо, без всякого смысла, отвечайте: обучались вы философии или нет? — Признаюсь, я намерен изучать, но... — Ну, так и есть! — прервал господин Бахчеев, дав полную волю своему негодованию. — Я, батюшка, еще прежде, чем вы рот растворили, догадался, что вы философии обучались! Меня не надуешь! морген-фри! За три версты чутьем услышу философа!» (3, 30). И дело оказывается не только в том, что герой-рассказчик, напустив на себя романтического тумана, предполагает в Опискине разочарованного героя: «Поцелуйтесь вы с вашим Фомой Фомичом! Особенного человека нашел! Тьфу! Прокисай все на свете!», — но и в том, что это, с точки зрения Бахчеева, выдает в нем вольнодумца: «Я было думал, что вы тоже благонамеренный человек, а вы... Подавай!» (3, 30).⁶⁴ Стоит ли напоминать в этой связи, что увлечение философией в Петербурге 1840—1850-х гг. было в первую очередь связано именно с увлечением французским утопическим социализмом?

В отличие от Ростанева и Сергея отношение Опискина к науке близко к бахчеевскому. Не случайно в финале Бахчеев совершенно соглашается с Опискиным, разглагольствующим: «— Для вас не существует великих людей, кроме каких-то там Цезарей да Александров Македонских! А что сделали твои Цезари? Кого осчастливили? Что сделал твой хваленый Александр Македонский? Всю землю-то завоевал? (...) Зато он убил добродетельного Клита, а я не убивал добродетельного Клита... Мальчишка! прохвост! розог бы дать ему, а не прославлять во всемирной истории... да уж вместе и Цезарю!» (3, 159); «Нечего их щадить! Все мошенники! Один только ты ученый, Фома!» (3, 159), — говорит Опискину Бахчеев, и, конечно же, не последнюю роль в этом играет прочная благонамеренность Опискина. Не случайно и идея французских утопистов об уничтожении или хотя

⁶³ Герцен полагал, что «неясный, религиозный и в то же время аналитический сен-симонизм удивительно хорошо подходил к москвичам. Изучив его, они совершенно естественно переходили к Прудону, так же, как от Гегеля — к Фейербаху», «петербургской учащейся молодежи больше подходит фурьеризм, нежели сен-симонизм. Фурьеризм, который стремился к немедленному претворению в жизнь, требовал практического приложения, который тоже мечтал, но основывал свои мечты на арифметических выкладках и скрывал свою поэзию под именем промышленности, а любовь к свободе — под объединением рабочих в бригады, — фурьеризм должен был найти отклик в Петербурге (*Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. Т. 7. С. 253*).

⁶⁴ Скепсис этот, следовательно, совсем другой природы, чем тот, который Гоголь выразил в заключительной главе первого тома «Мертвых душ» в образе Кифы Мокиевича и был связан, в частности, со склонностью московских славянофилов к абстрактной философии и одновременно к ревнивому патриотизму.

бы приуменьшении неравенства между сословиями обретает в его устах благонамеренно-сентиментальный характер: «Пусть изобразят они мне мужика, но мужика облагороженного, так сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразят этого сельского мудреца в простоте своей, пожалуй, хоть даже в лаптях — я и на это согласен, — но исполненного добродетелями <...> Пусть изобразят этого мужика, пожалуй, обремененного семейством и сединою, в душной избе, пожалуй, еще голодного, но довольного, не ропщущего, но *благословляющего свою бедность и равнодушно к золоту богача. Пусть сам богач, в умилении души, принесет ему наконец свое золото; пусть даже при этом случае произойдет соединение добродетели мужика с добродетелями его барина и, пожалуй, еще вельможи. Селянин и вельможа, столь разъединенные на ступенях общества, соединяются, наконец, в добродетелях — это высокая мысль!*» (3, 68—69).

Опискин, как и все ученые самозванцы, уповает не на сами познания, а на то, чтобы они были основаны на добродетели, — разумеется, не в последнюю очередь из страха быть разоблаченным — Сергеем или Коровкиным — при отсутствии сколько-нибудь порядочных познаний хотя бы в одной области. Реплику Опискина: «— Ученый! — завопил Фома, — так это он-то ученый? <...> Здесь не Петербург, не надуешь! <...> Ученый! Да ты сколько знаешь, я всемеро столько забыл! вот какой ты ученый!» — нужно рассматривать в контексте романа, т. е. в связи прежде всего со словами Ростанева Сергею: «Про тебя услышал, что ученый, — это я виноват: погорячился, разболтал! — так сказал, что нога его в доме не будет, если ты в дом войдешь. „Значит, говорит, уж я теперь для вас не ученый“. Вот беда будет, как узнает теперь про Коровкина!» (3, 56). В отзыве Опискина о Коровкине: «Вероятно, какой-нибудь современный осел, навьюченный книгами. Души в них нет, полковник, сердца в них нет! А что и ученость без добродетели?» (3, 90) — просматривается стремление утвердить Ростанева в мысли, что настоящая наука это не только познания.

Аллюзии на петербургское «вольнодумство» звучат в «Селе Степанчикове...» еще не раз: «— Я уверена, — защebetала вдруг мадам Обноскина, — я совершенно уверена, monsieur Serge, — ведь так, кажется? — что вы, в вашем Петербурге, были небольшим обожателем дам. Я знаю, там много, очень много развелось теперь молодых людей, которые совершенно чуждаются дамского общества. Но, по-моему, это все вольнодумцы. Я не иначе соглашаюсь на это смотреть, как на непростительное вольнодумство» (3, 47). Упрекает в нем Сергея и Ростанев, причем не столько за само вольнодумство, сколько за чрезмерное его проявление: «— Такие люди не имеют почтенных лет, дядюшка. — Ну уж это ты, брат, перескакнул! это уж вольнодумство! Я, брат, и сам от рассудительного вольнодумства не прочь, но уж это, брат, из мерки выскочило, то есть удивил ты меня, Сергей» (3, 107).

Еще один важный мотив, от которого протягиваются нити в сторону утопического социализма, — это мотив «страсти». Все «Село Степанчиково...» представляет собой постоянную игру и целую бурю страстей. Между тем благонамеренный Опискин в заключительных главах непрестанно предупреждает Ростанева: «...если в сердце вашем осталась хотя искра нравственности, обуздайте стремление страстей своих! И если тлетворный яд еще не охватил всего здания, то, по возможности, потушите пожар!»; «— Умерьте страсти, — продолжал Фома тем же торжественным тоном, как будто и не слышав восклицания дяди, — побеждайте себя. (...) Я молился за вас целые ночи и трепетал, стараясь отыскать ваше счастье. Я не нашел его, ибо счастье заключается в добродетели...» (3, 137). Ростанев вполне соглашается с тем, что говорят о нем Опискин и «маменька», и надеется исправиться: «— Да, вы-таки эгоист! — замечает удовлетворенный Фома Фомич. — Да уж я и сам понимаю теперь, что эгоист! Нет, шабаш! исправлюсь и буду добрее» (3, 17); «— Нет, нет, брат, и не говори! А просто-запросто все это от испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоист и без удержу отдаюсь страстям моим. Так и Фома говорит» (3, 160). При этом категория «страстей» оказывается связанной в представлении Ростанева с понятием «эгоизма».

Это еще раз обнаруживает в Ростаневе человека, представляющего собой своего рода воплощение некоторых идей утопического социализма. Так, например, фурьеристы были решительно убеждены в невозможности подавить человеческие страсти: «Натолкнувшись на препятствие в одной точке, они производят извержение в другой, идут к своей цели разрушительными путями вместо того, чтобы идти к ней путями благодетельными»;⁶⁵ «— Ты, быть может, полюбил бы ее тоже... но тогда я убил бы тебя!..» — восклицает в романе Кабе Вальмор. И слышит в ответ ироническую ремарку героя-рассказчика: «Как, однако, икариец-мудрец, философ умеет укрощать свои страсти!».⁶⁶ Задача поэтому заключается в том, чтобы использовать человеческие страсти как движущую силу к развитию. «Привычки, созданные старыми учреждениями, — отмечал Сен-Симон, — представляют большие препятствия к установлению действительно нового строя. Подобное установление требует великих философских трудов и больших денежных жертв. Одна лишь страсть может побудить людей к великим усилиям».⁶⁷

⁶⁵ *Фурье Ш.* Новый хозяйственный и социетарный мир // Избр. соч. М., 1954. Т. 4 С. 177—178.

⁶⁶ *Кабе Э.* Путешествие в Икарию С. 230.

⁶⁷ *Сен-Симон А.* Письма к американцу // Избр. соч. Т. 1. С. 313. Между прочим, Сен-Симон полагал, что «Французскую революцию вызвала определенная страсть. Революцию может окончить лишь другая страсть». Под этой первой страстью он имел в виду «страсть к равенству», «и люди, принадлежащие к по-

Страсть к собственному благу из соображений выгоды или «самолюбия» — вот один из оселков, вокруг которого все вращается в доме Ростанева: она объясняет поведение и Мизинчикова, и Обноскина, и Опискина, который в свою очередь приписывает ее Ростаневу: «— Полковник! я, может быть, ошибался, но я знал ваш эгоизм, ваше *неограниченное самолюбие...*» (3, 147). Между тем этими же самыми словами характеризует Опискина Мизинчиков: «Это, я вам скажу, такая кислятина, такая слезливая размазня, и все это при самом *неограниченном самолюбии!*» (3, 94). Даже поведение Сергея Настя объясняет именно его самолюбием: «Я уверена, что вы и добрый, и милый, и умный, и, право, я искренно говорю это! Но ... вы только *очень самолюбивы*. От этого еще можно исправиться» (3, 78).

Рассуждая о том, что «Фома Фомич есть олицетворение *самолюбия самого безграничного*, но вместе с тем самолюбия особенного, именно: случающегося при самом полном ничтожестве, и, как обыкновенно бывает в таком случае, самолюбия оскорбленного, подавленного тяжкими прежними неудачами, загноившегося давно-давно и с тех пор выдавливающего из себя зависть и яд при каждой встрече, при каждой чужой удаче» (3, 11), герой-рассказчик задается вопросом: «Кто знает, может быть, это безобразно вырастающее *самолюбие* есть только ложное, первоначально извращенное *чувство собственного достоинства*, оскорбленного в первый раз еще, может, в детстве гнетом, бедностью, грязью, оплеванного, может быть, еще в лице родителей будущего скитальца, на его же глазах?» (3, 12). Между прочим, мотив этот, как и «Село Степанчиково...» в целом, также тесно связан с участием Достоевского в собраниях Петрашевского, в частности с одним из двух выступлений писателя на них. Сам Достоевский в своих показаниях Следственной комиссии рассказывал об этом выступлении следующим образом: «Что же касается второй темы: о *личности и эгоизме*, то в ней я хотел доказать, что между нами более амбиции, чем настоящего человеческого достоинства, что мы сами впадаем в самоумаление, в размельчение личности от мелкого самолюбия, от эгоизма и от бесцельности занятий. Это тема чисто психологическая» (18, 129).

На первый взгляд сходная мысль в ином виде ранее была вложена Достоевским в уста фельетониста в «Петербургской летописи» (1848): «Коль неудовлетворен человек, коль нет средств ему высказаться и проявить то, что получше в нем (не из самолюбия, а вследствие самой естественной необходимости человеческой сознать, осуществить и обусловить свое Я в действительной жизни), то сейчас же и впадет в какое-нибудь самое невероятное событие; то, с позволения сказать, сопьется (...) то, наконец, с ума сойдет от *амбиции*, в то же самое

следнему классу, были склонны больше всех в силу своего невежества, как и в силу своего интереса неистово отдаться ей» (Там же. С. 312)

время про себя презирав амбицию и даже страдая тем, что пришлось страдать из-за таких пустяков, как амбиция. И смотришь, — невольно дойдешь до заключения ⟨...⟩ что в нас мало сознания собственного достоинства» (18, 31). В Опискине, однако, «более амбиции, чем настоящего человеческого достоинства», несмотря на то что все «средства ему высказаться» предоставлены.

Как уже отмечалось, мысль Достоевского о том, что «при существующем порядке вещей чувство собственного достоинства подменяет и замещает амбиция — дурное искажение благих начал в дурно устроенном обществе», напоминает идею извращения страстей у Фурье.⁶⁸ Разве что в «Селе Степанчикове...» дело обстоит именно так не столько «при существующем порядке вещей», сколько независимо от него — просто потому что такова психологическая история этого человека.

Еще в «Бедных людях» Достоевский показал, что «любовь к свободе при иерархическом порядке неизбежно оборачивается властолюбием и может быть удовлетворена лишь за счет ущемления свободы других, за счет чужого рабства. Логика вещей такова, что амбиция любого человека (его честь и достоинство) на любой социальной ступени ведет его к желанию быть абсолютно свободным — т. е. только властвовать и никому не подчиняться ⟨...⟩ согласно убеждению Достоевского, стремление к деспотизму — отнюдь не природное свойство. Оно воспитывается определенным порядком, и вопреки расхожему представлению, разводящему в разные стороны деспотизм (вершина пирамиды) и рабство (ее основание), Достоевский полагал, что они, как это ни кажется парадоксальным, спокойно уживаются (и даже обязаны уживаться) на любом социальном уровне и в каждой человеческой душе, добросовестно усвоившей уроки этого порядка».⁶⁹ «Гармония, строящаяся в расчете на благодеяние и ответную благодарность, по убеждению Достоевского, — фантазия, она недостижима. Будучи более тонкой, более завуалированной и потому более коварной формой неравенства, такая „гармония“ исключает возможность „общего счастья“. Исключает даже тогда, когда в основу этого „счастья“ кладется общность имущества. Ведь общность имущества сама по себе не упраздняет всех и всяких отличий. Между тем, если устроители нового мира воспринимают свою деятельность как благодеяние, предполагающее в ответ единокорную признательность и благодарность, ничего хорошего от таких отношений ждать нельзя. Они неизбежно повлекут „благодетелей“ к деспотизму ⟨...⟩, а „облагодетельствованных“ — к духовной зависимости, к духовному рабству».⁷⁰ «В этом на-

⁶⁸ *Ветчовская В. Е.* Идеи Великой Французской революции в социальных воззрениях молодого Достоевского. С. 302

⁶⁹ Там же. С. 305.

⁷⁰ Там же. С. 310.

правлении Достоевский и полемизировал с утопическими теориями — и теми, которые защищали неравенство, и теми, которые, отрицая его, не учитывали могущества этого зла, способного скрываться в самых неожиданных и невинных обличьях»⁷¹

Эта «чисто психологическая тема», выражаясь словами самого Достоевского, в «Селе Степанчикове» развивается не только в имущественном аспекте, но связывается и самими героями с психологией отношений и с борьбой самолюбий «— Сообразно? Но равны ли мы теперь между собою? Неужели вы не понимаете, что я, так сказать, раздавил вас своим благородством, а вы раздавили сами себя своим унижительным поступком? Вы раздавлены, а я вознесен Где же равенство? А разве можно быть друзьями без такого равенства? Говорю это, испуская сердечный вопль, а не торжествуя, не возносясь над вами, как вы, может быть, думаете» (3, 86) Парадоксальным образом именно Опискин учит Ростанева демократизму в общении с людьми, стоящими ниже его по общественной лестнице «— Я именно хотел, чтоб вы не почитали впредь генералов самыми высшими светилами на всем земном шаре, хотел доказать вам, что чин — ничто без великодушия и что нечего радоваться приезду вашего генерала, когда может быть, и возле вас стоят люди, озаренные добродетелью! Но вы так постоянно чванились передо мною своим чином полковника, что вам уже трудно было сказать мне „Ваше Превосходительство“ Вот где причина! вот где искать ее, а не в посягновении каких-то судеб! Вся причина в том, что вы полковник, а я просто Фома» (3, 87) Эгоизм, крайнее самолюбие и даже деспотизм Опискина также изображены Достоевским с оглядкой на философию французских утопических социалистов Так, Сен-Симон в «Письмах к американцу» указывал, что «пролетарии», т. е. несобственники, «вдохновляемые страстью к равенству, захватив в свои руки власть, показали, что может быть нечто худшее, чем старый режим»⁷² Не отсюда ли главная мысль «Села Степанчикова»⁷³

⁷¹ Там же С 311—312

⁷² Сен-Симон А Избр соч Т 1 С 345—347

⁷³ В критике социалистов не только в «Селе Степанчикове» но и в «Бесах» Достоевский мог не только отталкиваться, но и опираться на произведения утопических социалистов Так, например, Сен-Симон в частности писал «Представьте себе многочисленный караван, который говорит своим начальникам „ведите нас туда, где нам будет лучше всего С этого момента начальники каравана — все, а караван — ничто он идет встепую так как для того чтобы такого рода путешествие могло продолжаться хотя бы только 24 часа, необходимо, чтобы караван имел неограниченное доверие к своим начальникам, оказывающим совершенно пассивное повиновение Поэтому он всецело находится во власти их недобросовестности и невежества Он оставляет за собой лишь право заявить что такая-то пустыня, куда его приведут ему не нравится и что его нужно вести в другое место, но это право может повести только к тому что он подвернется целому ряду экспериментов, которые не принесут ему никакой пользы до тех пор

И все же в какой мере все выше сказанное позволяет говорить нам о том, что Опискин представляет собой пародию на Петрашевского и петрашевцев? Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на то, что черты, роднящие Опискина с Петрашевским и петрашевцами, одновременно сближают его, например, с Белинским и отчасти с самим Достоевским. Как хорошо показал Л. П. Гроссман, перенесенные гонения, слабая литературная одаренность, необъятное самолюбие, нетерпение и раздражительность — т е практически те же черты, которые сближают Опискина с Петрашевским и петрашевцами, являются общими для него и Белинского⁷⁴ (к этому добавляются некоторые конкретные детали, вплоть до буквального совпадения в характеристиках,⁷⁵ а демократическое происхождение скорее сближает Опискина с Белинским, чем с Петрашевским)

Совершенно аналогичные приведенным выше упрекам в адрес Петрашевского Достоевский высказывал и в адрес Белинского «Письмо Белинского написано *слишком странно*, чтоб возбудить к себе сочувствие *Ругательства отвращают сердце, а не привлекают его, а все письмо начинено ими и желчью написано*. Наконец, вся статья образец бездоказательности — недостаток, от которого Белинский никогда не мог избавиться в своих критических статьях () болезнь, сведшая его в могилу, сломила в нем даже и человека. Она *ожесточила, очерстила* его душу и залила *желчью* его сердце. *Воображение его, расстроенное, напряженное*, увеличивало все в колоссальных размерах и показывало ему такие вещи, которые один он и способен был видеть. В нем явились вдруг такие недостатки и пороки, которых и следа не было в здоровом состоянии. Между прочим явилось *самолюбие, крайне раздражительное и обидчивое*» (18, 126—127). А если вспомнить, например, позднейший упрек Достоевского Гоголю в том, что он врал и паясничал, «да еще в своем завещании» (16, 330), то мы увидим, что и у Гоголя для создания образа Опискина берутся при-

пока он будет предоставлять своим начальникам определять цель путешествия» (Сен-Симон А. О теории общественной организации // Избр. соч. Т. 1. С. 443)

⁷⁴ Впрочем, есть и черта, которая сближает только с Белинским демократическое происхождение. Ср. «потому что родитель твой был столбовой дворянин, неведомо откуда, неведомо кто» (3, 24) и «Белинский был вовсе не *gentilhomme*, — о, нет! Он бог знает от кого происходил» (29, 215)

⁷⁵ В качестве одного из самых ярких доказательств Гроссман указал на следующее совпадение характеристик Фомы в «Селе Степанчикове» и Белинского в письмах Достоевского «„Какое у него лицо, у *паршивика*“, — говорит о Фоме Опискине помещик Бахчеев. Термин этот буквально повторен Достоевским в его характеристике Белинского „Это был только *паршивик* — и больше ничего“ (письмо А. Н. Манкову 11/23 декабря 1868 г.) (28, 328 — С. К.)» (Гроссман Л. П. История создания и публикации «Села Степанчиково» С. 221)

мерно те же черты, что и у Петрашевского и Белинского⁷⁶ Учитывая же то обстоятельство, что, например, гражданская казнь петрашевцев была таким спектаклем, до которого далеко было и Петрашевскому, и Гоголю, у Достоевского было более чем достаточно оснований полагать фарсовую театральность едва ли не стилем эпохи.⁷⁷

В связи с этим возникает более общий вопрос не представляет ли «Село Степанчиково...» в каком-то смысле пародию, написанную отчасти по лекалам второго тома «Мертвых душ»?⁷⁸ С той лишь разницей, что в «Селе Степанчикове» элементы такой пародийности глубоко скрыты. Совершенно очевидно, что после каторги и ссылки писателю было неудобно вернуться в литературу с произведением, которое слишком бы смахивало на декларацию отступничества от прежних взглядов, хотя это отступничество было у писателя совершенно искренним.

Во втором томе «Мертвых душ» есть также элементы криптопародийности по отношению к Белинскому. В частности, она проявляется уже в приведенном выше гоголевском образе «огорченных людей». И у Гоголя, и у Достоевского образ «огорченных людей» — это в какой-то степени реминисценция из переписки Белинского с Гоголем, за чтение которой в обществе петрашевцев Достоевский, как известно, и был главным образом осужден.⁷⁹ В своем первом

⁷⁶ Чтобы понять, как пародия на Гоголя могла одновременно быть и пародией на Петрашевского и петрашевцев, вспомним, что, например, устойчивую ассоциацию с поздним Гоголем вызывало у Н. Г. Чернышевского чтение Фурье «Притязания его (Фурье) так ограничены, явно случайны и несамостоятельны, и многое в этих томах так отзывается рассуждениями сумасшедшего у Гоголя», «Фурье своими странностями и чудным беспрестанным повторением одного и того же как-то отвращает, но между тем виден во всем ум, решительно во всем новый, везде делающий не то, что другие — если можно с чем сравнить это его свойство, что обо всем говорит не так и не то, как другие, и так спокойно, так это с „Записками сумасшедшего“ Гоголя — вещи бог знает какие и высказывает их человек так уверенно» (*Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 111, 189*)

⁷⁷ «Наконец, становится известно, что все это было простым фарсом, декорацией, лишним парадом, устроенным государем», — рассказывал о казни петрашевцев А. И. Герцен (*Герцен А. И. Петрашевский. С. 517*)

⁷⁸ Впрочем, Достоевскому, несомненно, был известен рецепт прямого и явного пародирования Петрашевского и фурьеризма — драма А. А. Григорьева «Два эгоизма» (1845)

⁷⁹ Именно за чтение переписки, а не только письма Белинского к Гоголю как указывали многие исследователи Достоевский ранее читал эту переписку на одном из вечеров С. Ф. Дурова, причем дважды в один день. См. 18, 126, 146, 158, 178, 180, 181, 186, Дело петрашевцев. Т. 2. С. 203, 226, Т. 3. С. 201, 246, 249, 274) Согласно «Показаниям А. Н. Плещеева по вопросным пунктам» 1849 г., июня 17, в присланной им Достоевскому «переписке» «вместе с письмом был и ответ Гоголя Белинскому» (Дело петрашевцев. Т. 3. С. 313) Н. А. Момбелли, сознавшийся на следствии в том, что «Переписку Гоголя с

письме к Белинскому (от 8 (20) июня 1847 г) Гоголь называет его статью о «Выбранных местах » «голосом человека, на меня рассердившегося», далее варьирует этот оборот «глазами рассерженного человека», затем упоминает о логике, которая «может присутствовать в голове только раздраженного человека» Он также пишет «Я вовсе не имел в виду *огорчить* вас ни в каком месте моей книги Как это вышло, что на меня рассердились все до единого в России, этого я покуда еще не могу сам понять Восточные, западные и нейтральные — все *огорчились*»⁸⁰ И между прочим, именно с фразы «Вы только отчасти правы, увидав в моей статье *рассерженного* человека этот эпитет слишком слаб и нежен для выражения того состояния, в какое привело меня чтение Вашей книги», — начинается письмо Белинского к Гоголю⁸¹

Белинский в этом письме иногда впадает в чрезмерную напыщенность «И в это-то время великий писатель, который своими дивно-художественными, глубоко истинными творениями так могущественно содействовал самосознанию России, давши ей возможность взглянуть на себя самое как будто в зеркале, — является с книгою, в которой во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их *неумытыми рылами!* И это не должно было привести меня в негодование? Да если бы Вы обнаружили *покушение на мою жизнь*, и тогда бы я не более возненавидел Вас за эти позорные строки »⁸² Гоголь не мог отказать себе в удовольствии вложить это выражение «неистового Виссариона» в уста Чичикова «Я также, если позволите заметить, — сказал он, — не могу понять, как при такой наружности, какова ваша, скучать Конечно, если недостача денег или враги, как есть иногда такие, которые готовы *покуситься даже на самую жизнь* »⁸³ Более того, ту же самую формулу мы находим и в характеристике «бабы и дурака» приказчика Тентетниковым «И стал он (Тентетников — С К) хозяйничать и распоряжаться не на шутку На месте увидел тотчас, что приказчик был баба и дурак, со всеми качествами дрянного приказчика, то есть вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а, в прибавленье ко всему, подозревал мужиков в *покушеньи на жизнь*

Белинским отдал переписывать военному писарю», свидетельствует, что полученный им «на один только день» список представлял собой «тетрадь, в которой помещены были два письма Гоголя и одно Белинского» (Дело петрашевцев Т 1 С 230)

⁸⁰ Гоголь Н В Полн собр соч Т 13 С 326—328

⁸¹ Белинский В Г Полн собр соч Т 10 С 212

⁸² Там же С 214

⁸³ Похождения Чичикова, или Мертвые души Поэма Н В Гоголя Т 2 (5 глав) С 87—88, см также Гоголь Н В Полн собр соч Т 7 С 51

свою».⁸⁴ Таким образом, Достоевский в «Селе Степанчикове. » действительно в какой-то степени развивал криптопародийность, отчасти реализованную Гоголем во втором томе «Мертвых душ».

Рецепт подобной скрытой пародийности, как отчасти уже было отмечено,⁸⁵ Достоевский мог найти и в опубликованной лишь в 1855 г пушкинской «Заметке о „Графе Нулине“». В ней был вскрыт не только пародийный характер поэмы относительно французской романтической историографии с ее культом детерминизма, но и созревший еще до восстания декабристов скептицизм Пушкина относительно возможности изменения истории посредством единичного исторического события.⁸⁶ Однако в первую очередь — и вдобавок в применении к тому же самому материалу — Достоевский нашел его во втором томе «Мертвых душ».

В. Алекин, в целом убедительно вскрывший черты А. Е. Врангеля в Ростаневе и отражение отношений между Достоевским и Врангелем в отношениях «Опискин — Ростанев», лишь отчасти показал, что некоторые из перечисленных выше черт отмечались современниками и в самом Достоевском по выходе его из острога. Примеры, доказывающие это, можно умножить. Так, например, о том, что Достоевский «страшно самолюбив и неуживчив, что он перессорился со всеми» (18, 194), упоминал в своих воспоминаниях и А. Н. Майков. О том, что Достоевский «сделался раздражительным до последней степени» и что «его обвиняли в чудовищном самолюбии, в зависти к Гоголю», писал Д. В. Григорович.⁸⁷ С. Д. Яновский вспоминал, что в конце 1848 г. с Достоевским произошла резкая перемена, результате которой «он сделался каким-то скучным, более раздражительным, более обидчивым и готовым придирается к самым ничтожным мелочам», а «по возвращении из Сибири явно обнаруживал два свойства, которые мы все заметили в нем: беспримерное самолюбие и страсть порисоваться».⁸⁸

Таким образом, в облике, характеристиках и речах Опискина можно найти черты и Гоголя, и Белинского, и Петрашевского, и, наконец, самого Достоевского. При этом довольно явное пародирование Гоголя, по-видимому, служит среди прочего также и прикрытию криптопародийности по отношению к Белинскому, Петрашевскому и петрашевцам. Однако этот узкий, криптографический аспект па-

⁸⁴ Похождения Чичикова, или Мертвые души С 24 В этом издании между страницами 24 и 25 имеется иллюстрация, на которой изображен «Приказчик-баба», а под этой подписью приведен текст Гоголя «Тентетников увидел на месте, что приказчик был точно баба и дурак »

⁸⁵ *Виралайнен М Н* Фома Опискин и Иван Грозный С 142

⁸⁶ См подробнее *Кибальник С А* Художественная философия Пушкина СПб, 1998 С 112—122

⁸⁷ Ф М Достоевский в воспоминаниях современников Т 1 С 210

⁸⁸ Там же С 248, 251

родии, будучи лишь едва намечен, так что он выявляется только с помощью скрупулезного филологического анализа, вместе с явным гоголевским аспектом образует в повести широкую пародийность, которая, по нашему убеждению, и является в ней основной. В этом и заключается художественное новаторство пародийности «Села Степанчикова», появившегося на фоне целой литературной традиции памфлетного пародирования Петрашевского, петрашевцев и других конкретных литературных и общественных деятелей 1840-х гг. драмы А. А. Григорьева «Два эгоизма», в которой пародийно выведены К. С. Аксаков и М. В. Петрашевский, повести Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело» с пародией на А. Н. Плещеева в образе Алексиса Звонского или позднейшего «романа с ключом» А. И. Пальма «Алексей Свободин»⁸⁹ Эту пародийность, воспользовавшись выражением, которое часто употреблял сам Достоевский, можно определить следующим образом: люди 1840-х гг.,⁹⁰ парадоксальным образом обнаруживавшие свою близость друг к другу в болезненном самолюбии, безграничном актерстве и крайнем деспотизме, грубо пользовавшемся прекраснородушной уступчивостью других независимо от принадлежности к тому или иному политическому лагерю и к той или иной разделяемой политической платформе или утопии⁹¹

⁸⁹ *Альминский П.* Алексей Свободин. Семейная история в пяти частях. СПб., 1873.

⁹⁰ У Достоевского было четкое ощущение того, что «люди сороковых годов» отличались от деятелей последующих десятилетий, что подтверждается следующими примерами употребления этого понятия: «это лишь мечта одного из русских людей нашего времени, сороковых годов, бывших помещиков-прогрессистов, страстных и благородных мечтателей рядом с самою великорусскою широкою жизнью на практике» (22, 111), «по симпатиям я вовсе не 60-х и даже не сороковых годов» (30, 400), «какой это герой! это идеалист сороковых годов, даже, может быть, смешной, неумелый, ибо думал, что одним мельчайшим частным случаем может побороть всю беду» (22, 25), «я ненавидел его красивое, но глупенькое лицо () и развязно-офицерские приемы сороковых годов» (5, 136).

⁹¹ Внутренним эпиграфом к повести, возможно, для Достоевского служили слова Гоголя из его письма к Белинскому, написанные в ответ на обвинительное письмо последнего: «Наступающий век есть век разумного сознания: не горячая, он взвешивает все, приемля все стороны к сведенью, без чего не узнать разумной середины вещей. Он велит нам оглядывать многосторонним взглядом старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедших времен, мы ребята перед этим веком. Поверьте мне, что и вы, и я виновны равномерно перед ним. И вы, и я перешли в излишество» (*Гоголь Н. В.* Письмо В. Г. Белинскому 10 августа 1847 г. // *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 361). О пагубности односторонности и несовместимости ее с подлинным христианством Гоголь писал и в «Выбранных местах» См. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 297.